

Налѣво отъ Троицкой улицы (въ Пастуховскую) находится большой садъ г-жи Лавровой, отличающийся замѣчательнымъ декоративнымъ устройствомъ.

Троицкая церковь—одна изъ древнѣйшихъ церквей города Курска—существуетъ *на мѣстѣ Троицкаго монастыря*, основаннаго въ царствованіе Бориса Годунова, о чемъ свидѣлствуетъ грамота Царя Михаила Ѳеодоровича, въ которой сказано: „По грамотѣ царя Бориса, строилъ Іона въ Курскѣ, на краю посада, за рѣчкою Куромъ монастырь Троицы Живоначальной и въ тотъ монастырь братію собралъ“. Приписная къ Троицкому монастырю слобода, называемая *Очаковъ*, въ настоящее время входитъ въ черту города. Названіе *Очаковъ* происходитъ отъ курскаго выраженія—*очакъ*, что значитъ островъ и соответствуетъ мѣстоположенію Очакова, на островѣ, образуемомъ Тускарью и ея протоками. Очаковцевъ и теперь въ шутку называютъ „моряками“. Въ эпоху смутнаго времени „литовскіе люди, —по словамъ грамоты Царя Михаила,—храмъ Троицы Живоначальной разорили и монастырь выжгли, братію: старцевъ и бобыльковъ (т. е. послушниковъ) высѣкли (т. е. перебили)“. Впослѣдствіи монастырь былъ приписанъ къ Знаменскому, а Очаковская слобода въ 1649 году была взята въ вѣдомство *Государевой казны*.

Троицкая церковь стоитъ на краю холма. Внизу течетъ Тускаръ, черезъ нее проложены трясушія лавы. При взглядѣ на разстилающуюся влѣво отъ лавъ картину невольно поддаешься тяжелому впечатлѣнію, навѣваемому ею: на длинномъ рядѣ строеній по обѣимъ берегамъ рѣки лежитъ печать запустѣнія и разрушенія. Полуразрушенные, заколоченные, съ провалившимися крышами, съ зияющими темными отверстіями вмѣсто оконъ стоятъ здѣсь неуклюжіе, большіе и маленькіе дома, сараи, амбары. Не смотря на то, что давно уже прекратилось здѣсь кожевенное производство, все-таки ощущается запахъ кожныхъ и дубильныхъ веществъ. Около заколоченныхъ домовъ стоятъ страннаго вида зданія, похожія на каланчи или вышки. Надъ зданіями—развалившіяся кирпичныя трубы, на дворахъ длинныя, какъ-бы выросшіе въ землю сараи: каменные, бревенчатые или досчатые; всѣ они забиты, заглохли, замерли... На правомъ берегу Тускари, недалеко отъ лавъ, возвышается трехъ-этажное ветхое и узкое зданіе, въ нижнемъ этажѣ его одна только большая,—хоть вѣзжай въ нее тройкой,—дверь, оконъ нѣтъ. Во второмъ и третьемъ этажахъ этого зданія по три окна и всѣ они зияютъ дырами. У воды, на рѣкѣ,—остатки когда-то бывшихъ здѣсь моекъ; одна изъ нихъ уцѣлѣла. Это—сарай на водѣ съ поломъ и отверстіями для кожъ. Еще въ 1837 году моекъ на Тускари было до 50, хотя и тогда уже было отмѣчено, что число ихъ уменьшилось къ тому времени.

За уцѣлѣвшей мойкой обращаетъ вниманіе громаднѣйшій домъ въ три этажа. Окна въ немъ выбиты, полы провалились и вѣтеръ свободно гуляетъ по всей этой громадѣ. Унылый видъ имѣютъ и надворныя постройки. А дальше—длинное, низкое и мрачное зданіе, безъ трубъ, но съ окнами, заколоченными вдоль и поперекъ досками. Оригинально устроены здѣсь

крыльца: каждое изъ нихъ съ широкимъ, далеко выдающимся на улицу, навѣсомъ, огорожено съ обѣихъ сторонъ толстыми досками, а на крыльцѣ широкая лавка. Такихъ крылецъ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ города. На дворахъ „по травѣ хоть шаромъ покати“, а въ глубинѣ дворовъ возвышаются отовы когда-то бывшихъ здѣсь сараевъ, какъ скелеты допотопныхъ чудовищъ. А вотъ потянулись заборы громадной высоты... Иные домики въ опустѣвшихъ усадьбахъ не велики, а сараи и заборы грандіозныхъ размѣровъ. И такъ цѣлый рядъ улицъ представляетъ развалины, производящія грустное впечатлѣніе.

Въ прежнее время въ Курскѣ было большое кожевенное производство. Даже въ пятидесятыхъ годахъ XIX вѣка въ городѣ было до 30 кожевенныхъ заводовъ, изъ которыхъ по оборотамъ выдавались заводы купцовъ: Лысенкова, Сапунова, Силина, Скорнякова, Ветчинкина, Гущина и Карандакова, кромѣ того было до 70 небольшихъ кожевенныхъ заведеній, въ Очаковѣ и Кожевной.

На заводахъ ежегодно вырабатывалось на нѣсколько милліоновъ кожъ и мерлушекъ. На салотопенныхъ заводахъ было громадное количество овецъ, тутъ же снимали съ нихъ шкуры и производили дальнѣйшую обработку. Въ это время курскіе купцы съ кожевенными товарами являлись на всѣхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, русскихъ ярмаркахъ и рынкахъ.

Санитарныя условія города, въ особенности его 3-ей части, были ужасны, какъ о томъ еще въ тридцатыхъ годахъ писалъ Курскій губернаторъ М. Н. Муравьевъ: „по нѣкоторымъ улицамъ и верхомъ на лошади отъ дурного запаха я не могъ проѣхать.“ Зараженію воздуха способствовали и такъ называемыя „тарабары“, т. е. дворы, обнесенные высокими заборами и назначенные для сдиранія шкуръ съ крупныхъ и мелкихъ животныхъ. Такихъ „тарабаръ“ было много въ Кожевной и Очаковѣ.

Когда кожевенное производство процвѣтало въ Курскѣ, то на заводахъ и мойкахъ находилось много рабочихъ, „кожевниковъ“. Были въ числѣ ихъ и пришлые рабочіе; но большинство вело свой промыселъ изъ рода въ родъ. Промыселъ этотъ (въ особенности убиваніе животныхъ, сдираніе съ нихъ шкуръ самыми варварскими способами и т. п.), повидимому, повлиялъ и на характеръ мѣстнаго населенія, выработавъ особый типъ кожевника—человѣка угрюмаго и нерѣдко жестокаго. Кожевники во время работы на рѣкѣ пѣли пѣсни и мотивы этихъ пѣсней отличались заунывнымъ тономъ. Вообще пѣсни кожевниковъ, какъ говорятъ, производили непріятное впечатлѣніе.

Есть въ этомъ районѣ и обитаемые дома, да и изъ нихъ встрѣчаются такіе, въ которыхъ только часть помѣщенія занята, а другая заколочена.

Сколько разъ ни посѣщала Курскъ холера, всегда она находила обильную жатву въ Кожевной и Очаковѣ. Здѣсь она начиналась, здѣсь свирѣпствовала самымъ сильнѣйшимъ образомъ и здѣсь же продолжалась позднѣе,